

ГЛАВА

*о красной полосе, о доме нараспашку,
а также о том, кто на самом деле
нормальный в семье Трубачей*

Сабина, которую в домашнем кругу звали Сабой (в точности как соседскую собаку — что было фактом досадным по крайней мере для одной из двух носительниц имени), сидела за школьной партой и рассматривала свидетельство. Сверху вниз по нему бежала красная полоса — знак того, что учебный год закончен с отличием. Но на лице Сабины не было видно никаких следов радости.

До неё вдруг дошло, что красная полоса это не просто высокое признание вложенных в учёбу усилий, но и намёк на какую-то особенную награду. Возможно, она бы и не поняла этого, если бы не Малгося, которая через несколько дней должна была уехать в языковой лагерь на Мальту. («Республика Мальта, — автоматически включилось в голове у Сабины, — островное европейское государство в Средиземном море, расположенное в ста километрах к югу от Сицилии, средиземноморская климатическая зона».) Да если б одна Малгося! Было ещё два обладателя красной полосы. Одному из них,

Адаму, многолетнему конкуренту Сабины на уроках математики, обещали подарить новый компьютер, а другого, Богдана (то есть Бобика) завтра поведут в салон выбирать долгожданный скутер. И только Сабина вынуждена была довольствоваться лишь этой полосой, красной, как её щёки.

Свидетельство, вместе с благодарственным письмом для родителей, она сунула в книгу, которую ей вручили «в комплекте» как подарок от администрации школы, и исчезла после уроков настолько быстро, что никто и глазом моргнуть не успел.

По обеим сторонам улицы, ведущей от школы, на клумбах пестрели яркие цветы календулы. Их пряный запах, появлявшийся к началу лета, всегда ассоциировался у Сабины с каникулами. Да и сами слова — «каникулы» и «календула» — были очень смешно похожими.

Она толкнула старую ржавую калитку и с отвращением посмотрела на глиняные горшки с геранью, выставленные на окнах второго этажа. В подъезде

чуть не налетела на допотопный велосипед Мастера-Ломастера, который опять неудобно торчал на проходе.

Мастер-Ломастер, живущий с ними в одной квартире, своим именем был обязан удивительной способности ломать и портить буквально всё, к чему прикасался. Вот почему, как считала мама, он «заполрол престижный ландшафтный проект» и «опустил руки» (хотя рук-то он вовсе не опускал, скорее даже наоборот). Его одежда всегда была такой мятой, будто на ней валялась Сабина тёзка, собака соседки Ведьмалиновской (точнее, Малиновской, кстати, это именно ей принадлежала отвратительная герань в горшках). А ещё Мастер-Ломастер никогда не расставался со шляпой, и за её ленточкой неизменно торчала сигарета, хотя он вовсе не курил.

— Это его «имидж», — сказала однажды Тётя Мотя.

Тётя Мотя — родная тётя Сабина. Она жила на верхнем этаже, в квартире с антресолю. Несмотря на то что ей уже перевалило за пятьдесят, она любила щеголять в джинсовой мини-юбке, а её стриженные волосы, покрашенные в несколько цветов, всегда были растрёпаны по самой последней моде — «нахохликом», как выразился её брат, то есть папа Сабина. Тётя Мотя занималась проектированием кукол для театра, что некоторым образом объясняло её внешний вид — она и сама была похожа на куклу.

Поднимаясь по лестнице, Сабина вдруг застыла как вкопанная на площадке между этажами. Её посетило внезапное озарение.

Перед её мысленным взором проплыли лица всех членов семьи и их многочисленных приятелей. И она вдруг ясно увидела, что во всём этом паноптикуме чудаков и эксцентриков единственным нормальным человеком была она сама, Сабина Трубач (двенадцати лет), обладательница очередного свидетельства с красной полосой. Но за все её заслуги ей не светит ни мотороллер (правда, Тётя Мотя одарила её недавно прогулочным велосипедом цвета бешеной розы), ни компьютер (к счастью, когда её старенький ноутбук забарахлил, рядом не оказалось Мастера-Ломастера), а о выезде за границу и мечтать нечего (ведь как любила повторять мама, «сегодня очень трудно выжить, занимаясь искусством»).

Дверь на первом этаже приоткрылась, и из неё выглянула Ведьмалиновская, а затем высунулась слюнявая мордочка Сабы.

— Сабиночка, — произнесла Ведьмалиновская сладким голосом, что не означало ничего приятного, — будь добра, скажи мамочке, чтобы она до вечера убрала с балкона свои... — соседка запнулась, подыскивая подходящее слово, — свои...

— Артефакты, — подсказала Сабина.

Ведьмалиновская кивнула и закрыла дверь, а Сабина поморщилась при мысли о шеренге гипсовых голов — реалистичных до безобразия.

Она вздохнула и вошла в квартиру. Белые следы на полу сообщили, что Мастер-Ломастер опять вляпался в гипс. Следы вели на кухню, три раза

обогнули стол, потоптались у холодильника и направились обратно в мастерскую.

— Я починил переключатель скорости на твоём велосипеде! — торжествующе воскликнул Мастер-Ломастер, а Сабина при этих словах почувствовала в теле лёгкую дрожь.

— Привет, — кивнул ей папа.

— До свиданья, школа! — подмигнула Тётя Мотя.

А мама ничего не сказала, потому что стояла на стремянке с карандашом в зубах и критически осматривала гипсовую фигуру без головы.

— У МЕНЯ СВИДЕТЕЛЬСТВО С КРАСНОЙ ПОЛОСОЙ, — громко и выразительно произнесла Сабина.

— Так держать! — бодро провозгласил Мастер-Ломастер, поднимая с пола какой-то винтик, который тут же снова выпал у него из рук, и Сабина опять тревожно поёжилась при мысли о своём розовом велосипеде.

— Тараканьи бега, — фыркнула Тётя Мотя.

— Какая способная у меня дочь! — улыбнулся папа и прижал Сабину так крепко, что кончик её носа расплющился о его рабочую блузу.

— Вечером отпразднуем окончание учебного года, — наконец отозвалась мама и слезла со стремянки.

витающего в облаках. Сабина ни разу не видела его ни в костюме, ни при галстуке. «Размазня», — презрительно думала она, представляя острый птичий профиль отца.

Бобик встретил Сабину с калькулятором в руке и, прежде чем она успела что-то сказать, с важностью изрёк:

— Пятьсот сорок!

